

И ТО ЖЕ В НЕМ ОЧАРОВАНЬЕ...

ЕСТЬ ГОЛОСА, которые раз услышав, невозможно ни забыть, ни спутать с другими. К таким, без сомнения, принадлежит исключительный голос Ивана Семеновича Козловского.

Впервые я слушал Козловского в записи в начале 30-х годов, когда учился в Харькове. Он исполнял Лозингина, Вертера, романсы «Не пой, красавица, при мне», «Я помню чудное мгновенье». Мягкий лиризм и прекрасный тембр его голоса, сила и чистота звучания, уверенность на высоких нотах — все это глубоко впечатляло.

В то время я был дружен с Михаилом Гришко. Помню, однажды его пригласили в Киев для грамзаписей оперных арий и украинских народных песен. Участвовал в них и И. С. Козловский. Вернувшись Гришко под большим впечатлением от совместной работы с ним. Не раз рассказывал мне, какой Козловский великолепный профессионал, как серьезно относится к вокалу, как требователен к исполнителям, и в первую очередь к себе.

В 1935 году меня приняли в Киевский оперный театр. Вскоре переехал в Киев и Гришко. А уже в следующем году в Москве состоялась первая декада национального искусства — это была декада украинского искусства. Честь выступить на ней выпала и нашему оперному театру. Получилось так, что в Москве уже Иван Семенович слушал наши спектакли. Мне не довелось тогда с ним лично познакомиться. Мои же товарищи рассказывали, что оценку нашим постановкам И. С. Козловский дал весьма лестную, а замечания и советы его отличались не только деловитостью, но и большой доброжелательностью. Уроженец украинского села, он искренне

радовался успехам своих земляков.

Вскоре после того мне пришлось слушать пение И. С. Козловского в Ленинградской филармонии. Он исполнял Вертера. То была очередная встреча на расстоянии. А знакомство состоялось в Мисхоре. Я приехал туда отдохнуть следом за своим добрым приятелем, оперным басом Евдокимом Карповичем Циневым. Нашел его на пляже. Рядом стоял незнакомый стройный мужчина. Как только он заговорил, я вздрогнул и, пожалуй, автоматически воскликнул: — О, Иван Семенович!

Я не узнал его, но голос, его прекрасный тенор невозможно было не отличить даже в разговорной речи.

Впоследствии, помню, Иван Семенович приезжал в Киев, чтобы участвовать в грамзаписи «Наташки-Полтавки» и «Запорожца за Дунаем». И сейчас в воображении прекрасно слышу, как звучали его «Чорна хмара» и «Сонце низенько». Записи делались ночью, чтобы не мешали ни проносившиеся мимо трамваи, ни людской говор. Все эти ночи я вместе со многими моими коллегами провел в театре. Те из нас, кто не участвовал в записях, просто приходили слушать большого артиста. Эти ночи навсегда сохранились в памяти и сердце, как приобщение к высокому и прекрасному искусству.

В послевоенные годы я поселился в Киеве на Пушкинской улице в одной квартире с Е. К. Циневым. Этажом ниже жила М. И. Литвиненко-Вольгемут. Сейчас в память о ней на доме установлена мемориальная доска. В этот артистический дом, приезжая в Киев, часто заходил Иван Семенович. Не раз бывал он в гостях и у Евдокима Карповича. В такие вечера в нашей квартире

собиралось много знакомых.

Рассказывать о Козловском певце, напевное, можно очень много. В его исполнении звучало множество оперных партий, романсов, народных песен. И каждое исполнение стало шедевром. Не только вокала, но и проникновения в образ. Он говорил, что в студенческие годы твердо усвоил правило: голос — это инструмент. Для того, чтобы он служил хорошо и долго, надо обращаться с ним бережно. Следуя этому правилу, артист сумел более полувека выступать на сцене. И сейчас его голос сохраняет силу и свежесть звучания.

Расходились мы очарованные его голосом, его обаянием. Но было здесь не только очарование. Для многих из нас он служил и замечательным примером гражданина.

Мы знали, что Иван Семенович — глубоко неравнодушный человек. Он мог хлопотать о квартире или санаторной путевке для малознакомого человека, музыкальных инструментах для сельского клуба или школы.

И в нашем тесном кругу Иван Семенович был душой общества. Нам нравились его жизнебедность, рассказы о разнообразных жизненных историях. Но более всего, думаю, привлекала к себе людские симпатии именно его сердечность. Добрый, внимательный к другим, он всегда умеет вызывать и ответное доброе чувство.

Не забуду, с каким вниманием и заботой относился он к ветеранам сны, беспокоился, чтобы ни один из них не был забыт, чтобы ничей юбилей не прошел не отмеченным.

И вот теперь, отмечая 80-летний юбилей самого Ивана Семеновича, от своего имени и имени многочисленных почитателей его пения я хочу низко ему поклониться за его большой талант, доброе сердце, за его неустанную деятельность во славу великого искусства родной земли.

В. БОРИЩЕНКО,
народный артист УССР.
(РАТАУ).

23 МАР 1980

ЗАКАРПАТСКАЯ ПРАВДА
г. УЖГОРОД